

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МОСКВА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ С.Н. ДУРЫЛИНА «В РОДНОМ УГЛУ. КАК ЖИЛА И ЧЕМ ДЫШАЛА СТАРАЯ МОСКВА» НА ВЕРБАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ, ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ И МОТИВАЦИОННОМ УРОВНЯХ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

А.Д. Голубятникова (Реброва)

Аннотация. *Статья представляет собой концептуальный анализ художественного текста С.Н. Дурьлина «В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва». В ней с опорой на научные труды С.А. Аскольдова-Алексеева, Н.С. Болотновой, В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, З.Д. Поповой и И.А. Стернина охарактеризованы актуальность и методология исследования художественного концепта в тексте С.Н. Дурьлина, проанализированы определения понятий «концепт», «художественный концепт», «идиостиль», «языковая личность», «уровень языковой личности», «средства репрезентации концепта». В ходе концептуального анализа художественного текста С.Н. Дурьлина «В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва» с опорой на данные Русского ассоциативного словаря было выявлено, как художественный концепт «Москва» представлен в данном тексте на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и мотивационном уровнях языковой личности, выделенных Ю.Н. Карауловым, что позволяет сделать выводы о том, насколько представления о Москве религиозного философа, являющегося выходцем из купеческого сословия конца XIX — начала XX в., соответствуют представлениям о Москве в русской языковой картине мира.*

Ключевые слова: *концепт, художественный концепт, идиостиль, языковая личность, вербально-семантический уровень, лингвокогнитивный уровень, мотивационный уровень*

Для цитирования: *Голубятникова А.Д. Репрезентация концепта «Москва» в художественном тексте С.Н. Дурьлина «В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва» на вербально-семантическом, лингвокогнитивном и мотивационном уровнях языковой личности // Преподаватель XXI век. 2026. № 1. Часть 1. С. 404–416. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-404-416*

© Голубятникова А.Д., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

REPRESENTATION OF THE CONCEPT MOSCOW
IN S.N. DURYLIN'S LITERARY TEXT "IN MY HOMETOWN.
HOW OLD MOSCOW LIVED AND BREATHED" AT THE VERBAL
AND SEMANTIC, LINGUOCOGNITIVE, AND MOTIVATIONAL LEVELS
OF THE LINGUISTIC PERSONALITY

A.D. Golubyatnikova (Rebrova)

Abstract. *The article is a conceptual analysis of S.N. Durylin's literary text "In My Hometown. How Old Moscow Lived and Breathed". Based on the academic works of S.A. Askoldov-Alekseyev, N.S. Bolotnova, V.V. Vinogradov, Yu.N. Karaulov, Z.D. Popova, and I.A. Sternin, the article describes the relevance and methodology of studying the artistic concept in S.N. Durylin's text, and analyzes the definitions of the notions "concept", "artistic concept", "idiostyle", "linguistic personality", "level of linguistic personality", and "means of representing a concept". During the conceptual analysis of S.N. Durylin's literary text "In My Hometown. How Old Moscow Lived and Breathed" based on the data from the Russian Associative Dictionary, the article reveals how the artistic concept of Moscow is presented in this text at the verbal and semantic, linguocognitive, and motivational levels of the linguistic personality, as identified by Yu.N. Karaulov. This allows us to draw conclusions about how the religious philosopher's views on Moscow, who descended from the merchant class in the late 19th and early 20th centuries, align with the perceptions of Moscow in the Russian linguistic worldview.*

Keywords: *concept, artistic concept, idiostyle, linguistic personality, verbal and semantic level, linguocognitive level, motivational level*

Cite as: Golubyatnikova A.D. Representation of the Concept Moscow in S.N. Durylin's Literary Text "In My Hometown. How Old Moscow Lived and Breathed" at the Verbal and Semantic, Linguocognitive, and Motivational Levels of the Linguistic Personality. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2026, No. 1, part 1, pp. 404–416. DOI: 10.31862/2073-9613-2026-1-404-416

Актуальность исследования концепта *Москва* в художественной картине мира С.Н. Дурьлина напрямую связана со степенью изученности художественных текстов С.Н. Дурьлина и самого концепта *Москва* в языковом сознании носителей русского языка. С.Н. Дурьлин в первую очередь известен как богослов, искусствовед и педагог, поэтому большинство связанных с его творчеством научных трудов посвящено данным аспектам его деятельности. Так, сборник «С.Н. Дурьлин и его время» в 2 частях под редакцией А.И. Резниченко, входящий в серию «Исследования по истории русской мысли», включает такие исследования, как «Сергей Дурьлин и Густав Шпет в сфере разговора русских философов (опыт историко-философской реконструкции архива)» Т.Г. Щедриной, «Дурьлин как философ» В.П. Визгина, «София С.Н. Дурьлина и свящ. Павла Флоренского» С.М. Половинкина, «С.Н. Дурьлин и Н.А. Римский-Корсаков: музыкально-философский контрапункт» Н.А. Вагановой, «"Ищущий Града": неоплатонические мотивы в работах С.Н. Дурьлина 1910-х годов» Т.Н. Резвых, «С.Н. Дурьлин и газета "Малый театр" С.Б. Мержанова, а также работы,

посвященные биографии С.Н. Дурьлина и истории создания некоторых его литературных трудов [2; 3]. Что же касается изучения художественного наследия С.Н. Дурьлина, то данный аспект его литературной деятельности рассмотрен не так широко, как упомянутые ранее (в частности, анализу языковой личности С.Н. Дурьлина в сборнике посвящена лишь статья И.А. Едошиной «Мифологема “угла”: тексты С.Н. Дурьлина в пространстве русской культуры начала XX века» [2, с. 299–339]). Художественный же концепт *Москва* стал объектом лишь одного крупного научного исследования — диссертации Г.П. Корчевской «Концепт *Москва* в русской языковой картине мира и поэтическом идиолекте М.И. Цветаевой» [3], также можно выделить исследование И.А. Стернина «Психолингвистика и концептология», в которой концепт *Москва* был сопоставлен с концептом *Ярославль* [4].

Методология исследования представляет собой концептуальный и стилистический анализ художественного текста.

В настоящее время в связи с отсутствием точных дефиниций термина «идиостиль» имеет место теоретическое обсуждение этого понятия, и относительно новым подходом к изучению идиостиля является его рассмотрение с точки зрения когнитивной лингвистики — направления в языкознании, исследующего соотношения языка и сознания (аспект, который необходимо учитывать при анализе языковой личности, так как именно в сознании автора отражается его языковая картина мира). Структуру модели языковой личности Ю.Н. Караулов разделяет на три взаимосвязанных уровня: **нулевой уровень** (он же **вербально-семантический** или **лексико-грамматический**), отвечающий за вербализацию мыслей, **первый (лингвокогнитивный)** уровень, содержащий концепты, составляющие языковую картину мира автора, **второй (мотивационный)** уровень, отражающий мотив и цели создания текста [5, с. 37], а также его идиостиля, проявляющегося как в выборе способов лингвистического воплощения коммуникативных универсалий, соответствующих нулевому и первому уровням языковой личности, так и в целевой направленности текста на втором уровне [6, с. 35]. **Когнитивный подход** характеризует идиостиль как «систему логико-семантических способов репрезентации концептуальной системы автора поэтического текста, объективированную в эстетической речевой деятельности» [7, с. 49]. Понятие **художественного концепта** связано с именем С.А. Аскольдова-Алексеева, который определил концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [8, с. 267], а также объяснил, в чем состоит различие между познавательным и художественным концептами. Одним из основных методов исследования художественного текста служит его концептуальный анализ. Так, С.М. Колесникова в статье «Смыслообразующие начала понятия “семья” в русской лингвокультуре» называет универсальные концепты и средства их представления «связующими компонентами в мировой антропоцентрической системе» [9, с. 53], а в научном труде «От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование» определяет концептуальное описание как средство семантической интерпретации смыслов языковых единиц и определения уровня адекватности их восприятию реципиентов в контексте русской и мировой культуры [10, с. 135–137]. В системе характерных для автора концептов, которые являются для его творчества, а также в средствах их репрезентации проявляется своеобразие его **языковой личности** [6, с. 109].

При когнитивном исследовании идиостиля необходимо учитывать его соотносительность с концепцией языковой личности Ю.Н. Караулова и представления идиостиля автора через отраженные в структуре текста ассоциативно-смысловые поля. При исследовании художественного концепта в тексте автора необходимо также использовать методы **семантико-стилистического** подхода к пониманию идиостиля, согласно которому идиостиль представляет собой механизм «индивидуально-эстетического использования свойственных данному периоду развития художественной литературы средств словесного выражения» и «эстетически-творческого подбора, осмысления и расположения различных речевых элементов» [11, с. 85], позволяющие выявить, какие языковые средства репрезентации данного художественного концепта использованы автором.

Концепт **Москва** в русской языковой картине мира соотносится с лингвокультурным концептом **город**. Можно выделить следующие понятия, с которыми в современном русском культурном лингвосоциуме ассоциируется, согласно исследованию С.А. Голевой «Лингвокультурологический и ономастический компоненты концепта *город* в русском и английском языках», данный лингвокультурный концепт: 1) населенное место, имеющее свою историю возникновения и существования; 2) большая территория, занимаемая городом; 3) озелененная территория; 4) торговая (обычно центральная) часть города; 5) совокупность всех жителей города; 6) жители города, принадлежащие к определенному слою; 7) город как граница территории очерченного на земле лагеря; 8) городская архитектура; 9) центр государственного значения [12, с. 10]. В вышеупомянутом исследовании выделены такие концептуальные признаки, как территориальные (*южный/северный, большой/небольшой* и др.), административного деления (*главный, областной, районный*), хронотопические (*древний/современный, молодой/старый*), исторические (*город с богатой историей, основание города* и т. д.), населения (*многомиллионный, густонаселенный, город с каким-либо населением* и др.), предмет гордости (*гордиться городом*), объект, актуализирующий (*любимый город, красивый город*), административно-политические (*городская управа, городское положение, городской магистрат*). С.А. Голева также выделяет понятийный, образный и ценностный компоненты данного культурного концепта. Понятийный компонент концепта *город* — местность, которая противопоставляется деревенской или сельской местности с точки зрения занимаемой территории, численности населения, профессий жителей, сферы отраслей торговли, производства, управления, науки, культуры. Образный компонент — люди (жители) крупного, со своей историей и уникальным внешним видом места; город как некая сущность, которая увеличивается, развивается, присоединяет к себе другие территории. Ценностный компонент — как положительная оценка («блага цивилизации», которыми жители города имеют возможность пользоваться), так и отрицательная (негативные аспекты городской жизни, которым противопоставляется первозданная природа) сторон жизни в городе [12, с. 12–13]. В русском лингвокультурном сообществе городу в первую очередь приписывают такие свойства, как «большой», «многолюдный», «шумный», «чистый», «зеленый», «дороги и здания», «цветущий» («цветы»), «деревья», «город-сад», «красивый», «любимый», «родной», «храмы, церкви, религиозная жизнь» (последнее характерно для Москвы) [12, с. 19–21].

Москва в русской языковой картине мира обладает компонентами, формирующими значение «столица России»: «главный», «административно-политический» и «относящийся к России». Значение «столица» представляет собой ядро лексико-семантического поля «Москва», а центральная зона поля сформирована компонентами «город» (к которому относятся компоненты «населенный пункт» и «центр» («промышленный», «торговый», «культурный»)) [3, с. 49–53].

Репрезентация концепта *Москва* в русской языковой картине мира в настоящей статье будет охарактеризована с опорой на исследование Г.П. Корчевской «Концепт *Москва* в русской языковой картине мира и поэтическом идиолекте М.И. Цветаевой», которое было осуществлено с опорой на данные Русского ассоциативного словаря, а также на изучение русских паремий. Составляющая компонента «населенное место (пункт)» включает следующие характеристики: 1) место — ассоциация «Москва — холмистость», связанная с легендой о семи холмах, возникшая одновременно с теорией «Москва — Третий Рим», о которой будет сказано ниже, здесь же прослеживается связь с компонентами «столица» и «церковная (православная)» («первый Рим» — Древний Рим — мировая столица, «второй Рим» — Константинополь — первоначальный оплот православия); 2) место строений — город воспринимается как единая сущность, что выражено в эпитетах белокаменная (что отсылает к использованию известняка при строительстве Москвы) и златоглавая (Москва воспринимается как город множества церквей); 3) населенное людьми — посредством метонимического переноса слово «Москва» может обозначать как жителей города, так и органы управления (при этом в связи с такими историческими событиями, как превращение Москвы в столицу и лишение свободы других городов, Москва как политический центр представлена жестокой и деспотичной (это отражено в таких паремиях, как, например, *Москва по нашим (по чужим) бедам не плачет, Москва — кому мать, кому мачеха*), в то время как население Москвы позиционируется как православное, словоохотливое и хлебосольное). Компонент «крупный, значительный по размерам» «Москва — огромный город», компонент «центр» выводится на основе выражения «Москва — сердце», где под сердцем понимается средоточие, середина, так как Москва занимает срединное положение в государстве и является средоточием различных проявлений жизни страны (промышленным, торговым, культурным центром). Астенизм «Москва» также обладает семантическими компонентами, которые не связаны со значениями «столица» и «город» и содержат фоновые знания об объекте: 1) «древний» (*Москва веками строилась, Москва создана веками, а Питер миллионами*); 2) «исторический» (*От копеечной свечи Москва загорелась* — воспоминания о московских пожарах; *Видно, город велик, что семь воевод* — воспоминания о семибоярщине; *Пропал (сгинул) как француз в Москве* — воспоминания о войне 1812 года); 3) «антитеза Санкт-Петербурга» (Петербург — рационалистическое мужское начало, Москва — душевная и женственная); 4) «изобильный» (Москва как источник богатства, значительного запаса продуктов, в первую очередь хлеба: *В Москве все найдешь, кроме родного отца да матери; В Москве недорого хлеба не бывает*); 5) «город дороговизны» (*В Москве деньгу беречь, себя не стеречь, В Москву бресть — последнюю копейку несть*); 6) «прекрасный» (может восприниматься как денотативный (если речь идет, например, о красивых московских архитектурных ансамблях) или коннотативный (если го-

ворящий субъективно воспринимает Москву как красивый город); 7) «исток, начало» («мать») — Москва ассоциируется с женщиной из-за принадлежности имени женскому роду; 8) «свой по рождению/духу, родной» (связан с предыдущим компонентом, так как мать — самый близкий человек); 9) «город-эталон»; 10) «ценный»; 12) «город гульбы/веселья», «неделовой город» [3, с. 53–77].

На вербально-семантическом уровне концепта **Москва** в паремиях денотат обозначен словами «город», «столица» и образными синонимами «мать», «матушка», «старушка», «сердце», «корм»; компоненты выражены такими лексико-семантическими вариантами значения «город», как «место» и «люди, его населяющие», а семантические компоненты — метафорами (*мать, старушка, сердце*), метафорическими эпитетами (*горбатая*), перифразами (*Матушка белокаменная, златоглавая, хлебосольная, православная, словоохотливая*), предикативными конструкциями (*не сразу строилась, замуж идет*), предложно-падежными конструкциями со значением цели, направления, места, словообразовательными отношениями (*Москва — московский*) [3, с. 77–78]. По данным Русского ассоциативного словаря, основное значение имени собственного «Москва» соответствует лексеме «столица» и реализуется в синтаксемах *Москва-столица, Москва — столица нашей родины, первопрестольная Москва, правительство в Москве*. Слово «город» — гипероним к слову «столица» — имеет два лексико-семантических варианта с архисемами «место» и «люди». Архисема «место» воплощена в синтаксеме *город Москва*, словосочетаниях с главным словом «столица» и оценочных номинациях (например, *большая деревня, дыра*). Можно выделить семы, каждая из которых реализована определенными языковыми средствами: «крупный» (словосочетания *большая Москва, большая деревня*), «центр» (пара *регион — Москва*), «административный» (единицы со значением «столица»), «культурный» (единицы со значением «культурный центр»), «торговый» и «промышленный» (в ассоциативном поле не отражены). Лексико-семантический вариант «люди» (на основе семы «населенный») воплощен посредством синтаксем *в Москве 9 миллионов, люди в Москве, Москва слезам не верит*. Имя собственного «Москва» в ассоциативном поле связано отношениями синонимии с лексемой «столица» и единицами поля *город-герой, город пяти портов, большая деревня*, отношениями антонимии с единицами *город, столица и большая деревня*, а также отношениями омонимии, которые обнаруживаются в таких сочетаниях, *Москва — город, Москва — река, духи «Москва» («Красная Москва»), одеколон «Москва», журнал «Москва», гостиница «Москва»*. Имя собственное «Москва» также смежно со следующими тематическими группами: городские объекты (например, *Кремль, река, Красная площадь, улица, район, канал, мост, институт, университет, академия*), люди (*житель, гость*), транспорт (*вокзал, ехать, лететь, ж/д, железная дорога*); погодные явления (*грязь, дождь*) [3, с. 80–88].

На лингвокогнитивном уровне Москва — это большой холмистый город в центре России, имеющий такие отличительные признаки, как золотые купола множества церквей, стены из белого камня (что является не столько реальным признаком, сколько отражением исторической памяти о том, как некогда выглядел город); столица, впоследствии неофициальная, противопоставленная Петербургу, культурный центр страны, православная столица мира; изобильный торговый город, который

снабжает ресурсами другие населенные пункты; город, обладающий древней историей, имеющей тесную связь с историей России вообще; прекрасный эталонный город; символ матери — близкого, родного человека, заботливого, обеспечивающего благами, при необходимости наказывающего, а также женщины в целом; город, жители которого в большинстве своем исповедуют православие и могут быть как гостеприимными и хлебосольными, так и высокомерными и черствыми, любят поговорить и повеселиться [3, с. 78–79]. На лингвокогнитивном уровне также можно выделить квазитерминологические обозначения (общезыковые синонимы астионима «Москва» *первопрестольная, столица, город-герой*), устойчивые выражения (например, *Москва слезам не верит* — стереотипное представление о равнодушии москвичей к проблемам переселенцев из других регионов), речевые штампы, со значениями «статус в прошлом и настоящем» (*первопрестольная Москва, столица СССР, столица нашей родины*), «внешний вид» (*златоглавая Москва*), центр транспортных сообщений (*город пяти портов*), «визуальные образы» («центр и окраины» (*центр Москвы, окраина Москвы*), «пространство над городом» (*над Москвой*), большая территория (*большая, большая деревня, ого-го*), «административная и топографическая организация» (*район, улица, площадь*), «специфические объекты и внешние приметы» (*Красная площадь, Кремль, златоглавая*), «освященный» (*огни, светлый*), «многолюдный» (*9 миллионов, толкучка, люди*), «праздничный» (*салют*), «неухоженный» (*грязь, грязный, помойка, сарай*)), «дополнительные сведения» («главная столица» (пары *Москва — Санкт-Петербург, Москва — Ленинград*); «цель, конечный пункт» (*поехать в Москву, в сторону Москвы*); «политический центр международного значения» (пары *Москва — Вашингтон, Москва — Нью-Йорк, Москва — Париж, Америка — Москва, Рим — Москва*); «символ России» (пары *отечество-Москва, Россия — Москва, страна — Москва, русский — Москва, родина — Москва*); «близкий, родной город» (*моя Москва, наша Москва, родная Москва*); «значительный, важный город» (*Москва — это все*); «изобильный город» (*колбаса — Москва*); «культурный центр» (*университет, институт, вуз, академия, издательство, галерея, музей*), «исторический город» (пары *Великий Новгород — Москва* (противопоставление двух городов в период формирования российской государственности), *Москва — Санкт-Петербург* (противостояние двух российских столиц), *пожар — Москва, Москвы оборона, позади Москва, Москва — город-герой, Москва пустая, Москва опустела* (события Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны)); «крупный транспортный узел» (*Москва — порт пяти морей, регион — Москва, ж/д — Москва*); «отсталый (провинциальный) город» (*большая деревня, дыра, рутина*); «имеющий свой герб» [3, с. 88–91].

На мотивационном уровне имеют место компоненты, которые проявляются в номинациях Москвы со значениями «православное вероисповедание москвичей» (*Третий Рим*), положение Москвы на территории России» (*сердце*), «обеспечение страны продовольствием» (*корм*), «главный город России» (*мать*), в предикативах со значениями «рельеф города» (*горбатая*), «местонахождение властей» (*пока не проведала*). Москва воспринимается как родной, дорогой город, в то же время имеет место ирония по отношению к правительству и в некоторых случаях к населению Москвы [3, с. 79–80].

В тексте С.Н. Дурылина ассоциация «Москва — холмистость» отсутствует, однако связанное с ней представление о Москве как Третьем Риме прослеживается в представлении Москвы как оплота православия. С.Н. Дурылин использует в тексте устойчивое выражение «сорок сороков», с помощью синтаксической конструкции *В Москву, у Богоявления, что в Елохове, в Плетешках (или в Плетешковском переулке), в собственном доме* [13] (так выглядел старый адрес, который, по словам автора, *был сгустком исторически сложившейся народной жизни, был живым свидетелем этой жизни* [13]), обращает внимание на то, что церковь Богоявления вынесена в название адреса, что подчеркивает ее значимость для жителей Елохова, характеризует свою малую родину посредством номинантов *родина подвижника, родина Христа ради юродивого, блаженного Василия* [13], подробно описывает церковные богослужения (*храмовый праздник, светлая заутреня, Великий пост, первая, средокрестная (4-я) и Страстная недели* [13], *раздача вербы или святой воды, прикладывание к «празднику»* – к вынесенному на середину церкви образу, *христосование с духовенством* [13], *паски, куличи, яйца с зажженными на них свечами, разговеться яблоком, крестины, похороны, Преображение, зимний и вешний Никола*, на количество прихожан указывают прилагательное с лексическим повтором *полным-полна* по отношению к церкви, сложное слово *многолюдство*, а также форма множественного числа числительного (*тысячи молящихся, тысячи трехкопеечных и пятикопеечных свечей*), отмечает, что храм был действующим даже после того, как *прогремела отдаленным, но гулким эхом неудачная японская война, прошумела первая революция*, собственную семью, воспринимаемую как среднестатистическая московская купеческая семья, изображает как подчеркнута религиозную — например, икона Спаса, перед которой отец семейства Дурылиных *молился горячо и благодарно*, является *заветным местом всего дома*.

Характеристика Москвы как места строений осуществляется посредством описания вышеупомянутых московских достопримечательностей и церкви Богоявления, а также архитектурных строений в главе «Родной дом» (церковь символизирует роль религии в жизни москвичей, а дома, при описании которых автор использует прием олицетворения, позволяют представить характеры типичных жителей Москвы, тем самым обнаруживая связь со следующей характеристикой).

Характеристика Москвы как населенного людьми места реализуется посредством метонимического переноса слова «Москва» в названии книги («...как жила и чем дышала старая Москва» — под Москвой понимается не сам город, а его жители), а также изображением людей, проживающих в Москве. В главе «У Богоявления в Елохове» среди прихожан храма упоминаются представители практически всех социальных слоев (*простой народ, мастеровые, фабричные, наряд полиции, околоточный, городовые, церковный староста, дама в черно-бурой лисьей шубе или ротонде, воры, причт, нищий, настоятель, «ранний батюшка», простонародье, духовенство, пара за парю новобрачных, богатых и бедных* [13], *зрители — любители этих торжеств* [13], *диаконы и псаломщики*, характеристика прихода как *одновременно и простонародного, и купеческого* [13], конструкция *от первостатейных богачей до обитателей углов в сырых полуподвалах на Немецком рынке* [13] со значением противопоставления, подчеркивающего широту круга посетителей храма, *анафора шли девушки и женщины в пестрых платьях, в шелковых платках*

или полушалках, или мастеровые в новых чуйках и расшитых рубашках [13]). В главе «Родной дом» нравы москвичей можно представить по описаниям их жилищ, соотносимых с хозяевами с помощью олицетворений (лютеранская кирха автор называет усталым ветераном старинной немецкой слободы [13], фабрики названы обидно безобразными, купеческие особняки — кокетливо-безвкусными, доходные дома — бесцеремонно, как хищники, ввалившимися в вспугнутую стаю одноэтажных домиков и домушек [13], богадельни ютятся, Елизаветинский женский институт для благородных девиц и «Отделение для малолетних» Николаевского института мирно и патриархально ведут сентиментальное существование). Часть книги «Родные тени» знакомит читателей с типичной купеческой семьей, по которой можно составить лестное представление о данном сословии (мать С.Н. Дурылин характеризует как прекрасную хозяйку, отца — как не только мастера, горячо любящего свое дело, но и человека с большим сердцем [13], который любил шелковые такни, как художник любит картины [13]). Часть «Гимназия» демонстрирует различные типы работников московских учебных заведений (так, о том, какие науки изучались в гимназии, можно узнать благодаря вынесенным в названия глав номинациям учителей-предметников: французы и немцы, греки и латинисты, математики, русские, при этом следует отметить, что при номинации учителей использован жаргон гимназистов, что выдает в авторе текста бывшего учащегося гимназии). В книге также присутствуют другие образы людей, не входящие в рассмотренные микроконцепты: у монументального городского широкая борода; по отношению к здоровенным мясникам, которые грелась взаимными тычками и забористыми словечками, используется ирония; разнообразие ассортимента мясных лавок способно удовлетворить вкусы как потомственного наследника Собакевича, так и утонченного любителя вальдшнепа; посетивший Москву бельгийский поэт Эмиль Верхарн назван сухоньким, изящным, стройным, живым, скромным, а его жена — сухенькой, живой, любезной и скромной, что подчеркивает сходство между ними; по отношению к разносчикам используются эпитеты неумолкающие веселые голоса, крепкий доходчивый голос, звонкий и зычный голос, зазывно-вкусные голоса, веселые вскрики, весело возглашает, задорно, заманчиво возглашавшие), противопоставленных отцу Николаю Зиновьевичу купцов автор с помощью перифразы называет Дикими и Большовыми (по аналогии с героями произведений А.Н. Островского), образ невропатолога С.С. Корсакова воссоздан с помощью эпитетов бодряя ласковость, успокоительная приветливость, кристальная чистота, сердечный ум.

В тексте С.Н. Дурылина имеются следующие компоненты, содержащие фоновые знания о Москве: «исторический» (номинанты родина подвижника, родина Христа ради юродивого, блаженного Василия, неудачная японская война, первая революция, топонимы, называющие ранее не входившие в состав Москвы территории, и номинации достопримечательностей этих территорий: две Басманных, Старая и Новая, некогда слободы «басманов», дворцовых пекарей, Ольховцы, с рекой Ольховкой, с прудами и дремучими садами, сохранившимися от времен стародавних, Красное Село с церковью Покрова, с Красным прудом, примыкавшим непосредственно к Ярославскому вокзалу и засыпанному уже после 1905 года, село Покровское-Рубцово, Немецкая слобода (или Кукуй), Гороховое поле, с бывшим загородным дворцом Разумовского, превращенным в женский институт, и с церковью Возне-

сения, построенной самим М. Казаковым, Разгуляй, некогда при московских царях славившийся разгульным кабаком, а в наше время вмещавший «храм науки» для всего Елохова — 2-ю классическую гимназию [13]), «изобильный» (номинации и описания продуктов в главе «О хлебе насущном»: *неимоверное количество муки, крупы и зерна* [13], *рыбный стол обилен, разнообразен и изыскан* [13], *круги масла, точно жернова с неведомой мельницы* [13], *исполинские плиты-кирпичи сливочного масла, будто выточенные из слоновой кости* [13]), «город дороговизны» (в тексте есть упоминание о том, что цены на продукты в Москве подорожали после первой половины 1990-х годов, а также накануне Первой мировой войны), «прекрасный» (номинации и описания природных явлений в главе «Родной дом»: *душистый снег, розово-белое облако* (о вишнях и яблонях в цвету), *золотые одуванчики, цветистые бабочки, медвяные ржаные межи* [13], *серебряное волшебство, жемчужный иней, алмазные снега*), «свой по рождению/духу, родной» (Москва — малая родина С.Н. Дурылина, эпитет *родной* вынесен в название («В родном углу...»), а также в названия глав и частей книги «Родной дом» и «Родные тени»), «ценный» (автору дороги воспоминания о детстве, проведенном в Москве), «город гульбы/веселья» (С.Н. Дурылин уделяет внимание описанию праздников), «антитеза Санкт-Петербурга» (противопоставление лаконичного петербургского адреса *Николаевская, 72* и подробного старого московского адреса *В Москву, у Богоявления, что в Елохове, в Плетешках (или в Плетешковском переулке), в собственном доме*).

Семантические компоненты концепта **Москва** выражены средствами репрезентации на лексическом, морфемном и синтаксическом уровнях языка (согласно концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина) [14, с. 8–11], в том числе средствами художественной выразительности, среди которых преобладают индивидуально-авторские. Некоторые из общепотребительных средств художественной выразительности понимаются С.Н. Дурылиным так же, как и большинством носителей языка, некоторые же он наделяет иным значением (например, с *кусками черного гранита* С.Н. Дурылин сравнивает плитки чая, а не «волевого, непреклонного в своих решениях и поступках человека» [15, с. 88]). Москва в тексте С.Н. Дурылина представлена как православная столица, о чем свидетельствует внимание автора к описанию храма, богослужений и роли религии в жизни общества (религиозность отдельно взятой семьи, проблемы преподавания Закона Божьего в гимназиях), как прекрасный, изобильный город, населенный людьми, в большинстве своем доброжелательными (такие черты, как жестокость и равнодушие, приписываемые городскому управлению, присущи некоторым учителям, которые в какой-то степени представляют собой начальство), а также как город родной, дорогой. Наглядные образы Москвы характеризуют ее топографическую организацию (в тексте уделено внимание Елохову — месту, где родился и вырос С.Н. Дурылин, так называемому *зеленому квадрату тишины*), специфические объекты и внешние приметы (номинанты), культуру (упоминание театра, наук, преподаваемых в гимназии), историю (эпитет *старая*, вынесенный в название книги, указывает на то, что в книге описан определенный исторический период, упоминание конкретных исторических событий (*прогремела отдаленным, но гулким эхом неудачная японская война, прошумела первая революция*)), значение для конкретного человека (воспоминания о детстве и юности, проведенных в Москве, дороги

автору), изобилие (семья Дурылиных представлена состоятельной, в главе «О хлебе насущном» присутствует описание разнообразных яств), в некоторой степени провинциальность (С.Н. Дурылин уделяет внимание описанию быта и нравов купеческого сословия, выходящем из которого является, а в русской языковой картине мира имеет место противопоставление «купеческой» Москвы «аристократическому» Санкт-Петербургу, также имеет место противопоставление Елохова остальной Москве, выраженное словосочетаниями *ехать в город* (то есть за пределы Елохова) и *не город, а что-то другое*).

Репрезентация концепта **Москва** в тексте С.Н. Дурылина связана с прессупозициями русской языковой картины мира, которые проявляются в таких номинациях Москвы (по данным русского ассоциативного словаря и русских поговорок), как *Третий Рим* (православие), *корм* (изобилие), *мать* (малая родина). В тексте С.Н. Дурылина находит выражение представление о Москве как близком, родном, дорогом городе.

Ключевым концептом текста книги является концепт **Москва**, поскольку воспоминания о детстве у С.Н. Дурылина связаны с образом дореволюционной Москвы — города, где он родился и вырос (номинация этого концепта вынесена в заглавие книги, там же присутствует обозначение старой Москвы как «родного угла»). На вербально-семантическом уровне концепт **Москва** представлен средствами всех уровней языка, в том числе большим количеством тропов и лексических единиц оценочного характера; на лингвокогнитивном уровне Москва имеет такие когнитивные представления, как православная столица, прекрасный город, изобильный город, город дороговизны, родной город, город, населенный людьми как доброжелательными, так и деспотичными, город, имеющий определенную топографическую организацию, исторический город, провинциальный город; на мотивационном уровне через репрезентацию концепта **Москва** С.Н. Дурылин доносит до читателей воспоминания о дореволюционном обществе и факты собственной биографии, и использование им лексики с положительной коннотацией позволяет сделать вывод о том, что представление обладателей русской языковой картины мира о Москве как родном, высоко ценимом городе вполне ему присуще.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. I: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.
2. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. II: Исследования / сост., ред., предисл. Анны Резниченко. М.: Ренгум, 2011. 512 с.
3. *Корчевская Г.П.* Концепт «Москва» в русской языковой картине мира и поэтическом идиолекте М.И. Цветаевой: дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Владивосток, 2002. 249 с.
4. *Стернин И.А.* Психоллингвистика и концептология // Вопросы психоллингвистики. 2007. № 5. С. 33–40.
5. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 703 с.
6. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика текста: словарь-тезаурус. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 383 с.

7. Пищальникова В.А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1992. 73 с.
8. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность: От теории словесности к структуре текста. Антология / под ред. В.П. Нерознака. М.: Academia, 1997.
9. Колесникова С.М. Смыслообразующие начала понятия семья в русской лингвокультуре // Вестник Московского гос. областного ун-та. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 53–59.
10. Колесникова С.М. От смысла к тексту: лингвокогнитивное исследование: монография. М.: МПГУ, 2023. 240 с.
11. Виноградов В.В. Проблема авторства и теория стилей. М.: Гослитиздат, 1961. 613 с.
12. Голева С.А. Лингвокультурологический и ономастический компоненты концепта «город» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2006. 28 с.
13. Дурьлин С.Н. В родном углу. Как жила и чем дышала старая Москва. 2018. URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-nikolaevich-d/v-rodnom-uglu-kak-zhila-i-chem-dyshala-staraya-moskva-26051608/> (дата обращения: 16.02.2026).
14. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1999. 30 с.
15. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка: 11 000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.

REFERENCES

1. *Sergey Durylin i yego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya*. [Sergey Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography], *Book I, Research*, comp., ed., preface by Anna Reznichenko, Moscow, Modest Kolerov Publ., 2010, 512 p. (in Russ.)
2. *Sergey Durylin i yego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya* [Sergey Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography], *Book II, Research*, comp., ed., preface by Anna Reznichenko, Moscow, Rengum Publ., 2011, 512 p. (in Russ.)
3. Korchevskaya, G.P. *Kontsept "Moskva" v russkoy yazykovoy kartine mira i poeticheskoy idiolekte M. I. Tsvetayevoy* [The Concept of "Moscow" in the Russian Language Picture of the World and the Poetic Idiom of M.I. Tsvetaeva], PhD Dissertaion (Philology), Vladivostok, 2002, 249 p. (in Russ.)
4. Sternin I.A. *Psikholingvistika i kontseptologiya* [Psycholinguistics and Conceptology], *Issues of Psycholinguistics*. 2007. No. 5. pp. 33–40. (in Russ.)
5. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia], Chief editor Yu.N. Karaulov, Moscow, Great Russian Encyclopedia Publ., Bustard Publ., 1997, 703 p. (in Russ.)
6. Bolotnova N.S. *Kommunikativnaya stilistika teksta: slovar'-tezaurus* [Communicative Stylistics of the Text: Thesaurus Dictionary], Tomsk, Tomsk State Pedagogical University Press, 2008, 383 p. (in Russ.)
7. Pischalnikova V.A. *Problema idiostilya. Psikholingvisticheskiy aspekt* [The Problem of Idiosyncrasy. The Psycholinguistic Aspect], Barnaul, Publishing House of Altai State University, 1992, 73 p. (in Russ.)
8. Askoldov-Alekseyev S.A. *Kontsept i slovo* [Concept and Word], *Russian Literature: From the Theory of Literature to the Structure of the Text. Anthology*, Edited by V.P. Neroznak, Moscow, Academia Publ., 1997. (in Russ.)

9. Kolesnikova S.M. *Smysloobrazuyushchiye nachala ponyatiya sem'ya v russkoy lingvokul'ture* [The Meaning-Forming Principles of the Concept of Family in Russian Linguistic Culture], *Bulletin of the Moscow State Regional University, Series: Russian Philology*, 2018, No. 5, pp. 53–59. (in Russ.)
10. Kolesnikova S.M. *Ot smysla k tekstu: lingvokognitivnoye issledovaniye: monografiya* [From Meaning to Text: A Linguocognitive Study: A Monograph], Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2023, 240 p. (in Russ.)
11. Vinogradov V.V. *Problema avtorstva i teoriya stiley* [The Problem of Authorship and the Theory of Styles], Moscow, Goslitizdat Publ., 1961, 613 p. (in Russ.)
12. Goleva S.A. *Lingvokul'turologicheskii i onomasticheskii komponenty kontsepta "gorod" v russkom i angliyskom yazykakh* [Linguistic, Cultural and Onomastic Components of the Concept "City" in Russian and English], Extended Abstract of PhD Dissertation (Philology), Moscow, 2006, 28 p. (in Russ.)
13. Durylin S.N. *V rodnom uglu. Kak zhila i chem dyshala staraya Moskva* [In My Hometown. How Old Moscow Lived and Breathed], 2018, URL: <https://www.litres.ru/book/sergey-nikolaevich-d/v-rodnom-uglu-kak-zhila-i-chem-dyshala-staraya-moskva-26051608/> (accessed on 16.02.2026). (in Russ.)
14. Popova Z.D., Sternin I.A. *Ponyatiye "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [The Notion of Concept in Linguistic Research], Voronezh, Voronezh State University Publ., 1999, 30 p. (in Russ.)
15. Mokienko V.M. *Slovar' sravneniy russkogo yazyka: 11 000 yedinit* [Dictionary of Comparisons of the Russian Language: 11,000 units], St Petersburg, Norint Publ., 2003, 603 p. (in Russ.)

Голубятникова (Реброва) Анастасия Дмитриевна, аспирант, кафедра русского языка, Московский педагогический государственный университет, nastena.rebova@list.ru

416 Anastasia D. Golubyatnikova (Rebrova), PhD Post-graduate Student, Russian Language Department, Moscow Pedagogical State University, nastena.rebova@list.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2026. Принята к публикации 12.02.2026
The paper was submitted 12.01.2026. Accepted for publication 12.02.2026